

ukraine.com/text_ua.php?id=2232.

5. Lozko G. S. Priorityty nacionalnovi aksiologiyi v suchasnomu osvitynomu prostori / Galina Sergiivna Lozko // Aktualni filosofski ta kulturologichni problem suchasnosti: Zbirnyk naukovih prac. – K.: Vydavnychiy centr KNLU, 2010. – Vyp.25. – S.364–371.

6. Zvit pro merezhu cerkov v religiynykh organizaciy v Ukrayini stanom na 1 sichnia 2013 roku. Zatverdzheno nacazom Ministerstva kultury Ukrayiny vid 21 bereznia 2013 r. №215 [Electronnyy resurs]. – Rezhim dostupu: http://www.irs.in.ua/files/statistic/2011.01.01_zvit_fl.pdf.

Bogdanovsky I. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, National State Tax Service University of Ukraine (Ukraine, Irpen), peggy@ukr.net

The Ukrainian native faith: revival of spiritual traditions and new paganism

The purpose of the article is to review the history of the origin and development of the main currents of modern Ukrainian paganism. Most pagans supporters believe that their religion revives ancient spiritual traditions, but in his teaching and practice modern pagan ritual is one of the new types of religious organizations. Supporters of paganism seek to preserve Ukrainian national culture in a globalizing world. Pagans need to develop "Ukrainian Ukraine", meaning thereby the need for the release of "harmful effects", imposed from outside the Christian culture and a return to the true roots of the Ukrainian people. It is given forecast of Ukrainian paganism in the article. The theoretical basis of the article is a combination of ideological and religious principles of impartiality, unity logical and historical. Comparative, historical, descriptive phenomenological and other methods are used.

Keywords: religious traditions, paganism, faith, cult.

Богдановский И. В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (Украина, Ирпень), peggy@ukr.net

Украинское родноверие: возрождение духовных традиций и новое язычество

Целью статьи является рассмотрение истории происхождения и развития основных течений современного украинского язычества. Большинство сторонников родноверия считают, что их религия возрождает древние духовные традиции, но в своем учении и ритуальной практике современное язычество является одним из новых видов религиозных организаций. Сторонники язычества стремятся сохранить украинскую национальную культуру в условиях глобализации. Родноверы требуют развивать "украинскую Украину", понимая под этим необходимость освобождения от "вредного воздействия", навязанной извне христианской культуры и возвращение к истинным корням украинского народа. В статье дан прогноз развития украинского язычества. Теоретической основой статьи является сочетание принципов идеологической и религиозной беспристрастности, единства логического и исторического. В статье используются компаративный, исторический, описательно-феноменологический и другие методы.

Ключевые слова: религиозные традиции, язычество, вера, культ.

* * *

УДК 111.852

Коннов А. Ф.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры этики и эстетики,
Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев),
a.f.konnov@gmail.com

МЕРА ВЕЩЕЙ В ИСКУССТВЕ: О КРИТЕРИЯХ СУЖДЕНИЯ ВКУСА

Рассматривается проблема статуса суждений вкуса, выражающих оценку в таких понятиях и представлениях как "прекрасное/безобразное", "привлекательно/отталкивающее", "шедевр/неудача" и т.п. Могут ли такие высказывания претендовать на объективный, общеобязательный статус, или же они только конвенциональны, релятивны, условны? И, более широко, существуют ли ценности, на которые могут опираться оценочные суждения? В данной работе критикуются позиции сторонников релятивной концепции. Цель статьи – усиление аргументации в пользу существования прочной основы для объективных оценок. Она коренится в психофизиологии человека и может быть найдена эмпирически. Один из таких критериев – это воздействие произведения искусства на человека. Влияние может быть позитивным и негативным. Это ощущается и на индивидуальном уровне как последствия для психики отдельного человека, и на социальном уровне как последствия для общества в целом.

Ключевые слова: эстетический вкус, суждение вкуса, релятивизм, номадизм, универсальные ценности.

(статья друкється мовою оригіналу)

Когда мы смотрим на пейзаж, интерьер, ювелирное украшение, вечернее платье, рисунок, скульптуру – на любое явление окружающего мира, мы испытываем приятные или неприятные ощущения. Одни вещи очаровывают нас, другие – отталкивают. Вербализация переживания такого рода, мы говорим, что нам нравится или не нравится нечто. Способность, благодаря которой мы имеем эти ощущения и можем судить о вызвавших их предметах, обычно называется "эстетическим вкусом".

Относительно истории понятия эстетик В. Бычков говорит следующее. Имея вкусовые рецепторы, мы способны различать сладкое, горькое, соленое. По аналогии с этим, представление о вкусе было перенесено в сферу эстетического опыта (примерно в середине 17-го века). Здесь его распространили на способность выявлять (чувствовать) прекрасное, высокую художественность искусства, отличать их от пошлого, безобразного, низкого художественного уровня и т.п. [2, с. 171–172]. Так, Э. Берк (18 ст.) определял вкус как "способности (или способность) духа, которые предназначены для суждения о результатах работы воображения и изящных искусств" [1, с. 48]. Вот одна из современных дефиниций: вкус есть "способностью личности к индивидуальному отбору эстетических ценностей" [9, с. 55].

Т.е., в самом общем виде "эстетический вкус" – это способность воспринимать и различать эстетические свойства вещей окружающего мира, например, прекрасное и уродливое. Суждение вкуса – это наша оценка, определение эстетического статуса вещи в таких понятиях и представлениях как "нравится / не нравится", "шедевр / неудача" и т.п. В данной статье рассматривается вопрос, являются ли подобные высказывания объективными, общеобязательными, или же они только конвенциональны, релятивны.

Эта проблема является спецификацией более глобального вопроса о том, существуют ли универсальные истины, ценности в принципе. Если их нет, то нет и общеобязательных критериев для суждений вкуса, нет канонов, которые бы нормировали художественное творчество. Сейчас в рамках проекта "западная цивилизация" постулируется отсутствие универсальной истины [12, с. 130]. Современную социокультурную ситуацию характеризуют релятивизм, субъективизм, номадизм, ризомность и плюрализм как противоположность монизму. В сфере эстетической рефлексии это выражается, в частности, в требовании "понять, что мы переживаем конец нормативной эстетики: эстетики вкуса, аристократической изысканности и прихотливой гениальности" [5, с. 27].

Для таких высказываний конечно же есть основания. "Нормативное понимание эстетической теории есть одновременно и наследием Просвещения, и рудиментом (я на этом настаиваю) идеологически ангажированной советской эстетики", – говорит украинский исследователь Ирина Бондаревская [5, с. 27].

Кроме того, хорошо известно, что индивидуальные эстетические предпочтения могут сильно различаться

как у отдельных людей, так и у народов, культур, эпох. "...красота является очень условным понятием, – констатирует другой украинский эстетик, Лариса Левчук. – Она связана с историческими, национальными, а иногда даже расовыми измерениями. Говорить про какую-то общую модель, которую восприняли бы все и признали как красоту, – это просто несерьезно" [6, с. 6].

Действительно, многоголосие в этом вопросе имеет место. Но, можно ли на этом поставить точку? Следует ли отсюда вывод о полном отсутствии чего-либо устойчивого, проникающего сквозь национальные и расовые разделения? Быть может, расхождения во вкусах не исключают, а наоборот, предполагают наличие общеобязательных моментов? И, если универсализм Просвещения и советской эстетики не дал позитивных результатов, означает ли это ложность универсализма как такового?

Далее, отказ от нормативности стирает различие между достижением и неудачей, между мастерством, трудом и "халтурой". Можно ли с этим согласиться? Являются ли подобные понятия просто субъективной иллюзией?

Критически рассмотрим некоторые основания очерченных выше релятивных тенденций. Одним из них является убеждение в том, что искусство всегда и везде решает одну и ту же задачу. Утверждения такого характера можно встретить, в частности, у Г. Велфлина. Художники, писал он, "подходят к произведению исключительно со стороны его ценности: хорошо ли оно? обладает ли внутренней законченностью? изображена ли в нем натура достаточно сильно и ясно?" [3, с. 16–17]. Сходным образом высказывается Г. Рид: всем художникам свойственно желание давать эстетическое наслаждение, и искусство является созданием приносящих удовольствие форм – красоты [10, с. 187–188]. Теперь, если поставить рядом "художественные объекты" разных культур и эпох, то нельзя не заметить отличия. Индейская ритуальная маска, античная скульптура, фетиш из центральной Африки – откуда различия, если цель у всех одна? Если все перечисленное – это "манифестации чувства красоты" (Г. Рид)? Естественно, напрашивается вывод, что представления о ней относительны, и эстетическое чувство – очень изменчивый феномен [10, с. 188–189]. Итак, общеобязательных представлений о прекрасном нет и быть не может.

Однако, достаточно ли аргументирована гипотеза о том, что цель создателей артефактов, которые мы назовем "художественными", всегда одинакова? Если африканский "скульптор" делает своего идола пугающим для европейца, то это еще не означает с необходимостью того, что в Африке принципиально иное чувство красоты. Поскольку этот идол – часть культовой практики, то, возможно, он и предназначен именно для устрашения. "Незаинтересованное эстетическое созерцание" при этом заботит африканского мастера меньше всего.

Подобным образом можно сравнить европейские произведения искусства 19-го и 21-го веков. Они существенно отличаются. На основании этого можно сделать вывод, что представления о красоте изменились радикально, и между эстетическим опытом 21-го века и

19-го лежит непроходимая пропасть. Так ли это? Может быть, художники сейчас просто не хотят создавать красоту? И их мотивы лежат совсем в другой плоскости? Хорошо известно, что современное искусство просто не стремится быть "изящным", "прекрасным".

Это касается и деформаций тела, которые встречаются в разных частях света. Искусственно удлиненные шеи, растянутые губы, уши и т.д. – означает ли подобная практика, что представления о красоте у практикующих "антропологически" иные? Может быть, они просто пытаются отогнать злых духов таким способом?

Можно также сравнить их действия с пластической хирургией современных развитых стран. Является ли "тяга к прекрасному" действительным мотивом тех, кто ложится на операционный стол? Может быть, они просто хотят попасть на телевидение или на обложку журнала. Если они хотят привлечь внимание противоположного пола, то удастся ли это благодаря искусственно приобретенной "красоте"? Не путаем ли мы в этом случае понятия красоты и сексуальности? И способна ли пластическая хирургия в принципе сделать кого-то красивым в собственном смысле слова?

Конечно, невозможно отрицать факт существования индивидуальных вкусов. Каждый человек – уникальная и неповторимая личность. Естественно, что эстетические предпочтения каждого человека индивидуальны и уникальны. Это справедливо и относительно отдельных народов и культур. Культуры разных типов также демонстрируют наличие самобытных эстетических критериев. Представления о человеческой красоте, например, имеют свои особенности на Дальнем Востоке, в Африке, Южной Америке и т.д.

Является ли вариативность вкусов достаточным основанием для отрицания универсального в эстетическом переживании? Разноголосица, как известно, присутствует и во взглядах на лечение и профилактику гриппа. Скажем, одни специалисты говорят, что защитные маски полезны, другие – что вредны. Означает ли это, что общеобязательных принципов лечения не существует?

В этой связи уместно вспомнить про то, что понятие эстетического вкуса возникает из аналогии со вкусом гастрономическим. На это обращает внимание Э. Берк. Например, кто-то обожает сладости, а кто-то совершенно равнодушен к ним. Кому-то нравится шоколад, а кому-то печенье. Однако, когда мы едим сладкое, у всех во рту происходит химический процесс, имеющий нечто общее во всех единичных случаях. Что и позволяет всем констатировать: "Я ем сладкое". Благодаря этому мы понимаем друг друга, когда обсуждаем свои гастрономические пристрастия. Это же делает возможным существование кондитерского отдела в продуктовых магазинах. Известно, что алкоголь у всех вызывает приблизительно одинаковую эйфорию. У кого-то она сильнее, у кого-то – слабее. Кому-то это состояние нравится, кому-то – нет. Кто-то привыкает к алкоголю быстрее, кто-то – медленнее. Т.е., реакция каждого индивида на алкоголь уникальна. Но во всех индивидуальных вариациях присутствует и

нечто универсальное. В каждом отдельном организме протекают сходные процессы.

Известно, что психофизиология эстетического переживания так же содержит общие для всех людей аспекты. Например, принцип золотого сечения использовали и строители египетских пирамид, и дизайнеры социальной сети Twitter в 21-вом веке. Между египетскими зодчими и современными художниками впечатляющая этническая, историческая, цивилизационная дистанция. Однако она не способна исключить определенные универсальные моменты. Об их существовании говорят самые различные исследования, начиная с Г. Гельмгольца и Г. Фехнера. Последний, в частности, показал, что формату золотого сечения соответствует огромное количество окружающих нас предметов: открытки, конверты, книги, кирпичи, окна, двери, пряники, плитки шоколада и многое другое. Сейчас к этому перечню добавляются мониторы ноутбуков, страницы сайтов в Интернет, корпуса iPod фирмы “Apple” и т.д.

Хочется еще раз подчеркнуть, что все это не противоречит факту многообразия индивидуальных вкусов. Отдельные люди, социальные группы, национальности и эпохи имеют собственные представления об эстетическом совершенстве. Невозможно спорить, например, с тем, что идеальные пропорции человеческого тела несколько варьируются в истории культуры. Тем не менее, эта вариативность возможна в четко определенных границах и не является абсолютно произвольной. Представим человека с чрезмерно гипертрофированной частью тела или лица. Никакая культура и эпоха не признает человеческую фигуру привлекательной, если рука будет свисать ниже колена. Некоторая мера все же задана для всех, и индивидуальные пристрастия возможны только в ее пределах.

Другой основой релятивизма является вера в отсутствие универсальной истины. Если эта вера справедлива, то отсутствует основание считать одно из оценочных суждений более основательным, чем другое. Суждения “Это произведение шедевр” и “Это произведение не удалось” становятся равнозначными. Каждый высказывается, исходя из своих ценностей. Что гарантирует преимущество одной ценностной системы перед другой? В конце концов, о вкусах не спорят.

Но, из отсутствия общеобязательной истины следует равнозначность не только суждений вкуса, но и всяких суждений вообще. В связи с этим хочется спросить, равнозначны ли оправдательный и обвинительный приговоры судьи? Можно набраться смелости, и утверждать, что “да”. Но такое утверждение возможно только как “абстрактная теория”, только тогда, когда решение судьи не касается нас самих.

Или: равнозначны ли диагнозы, констатирующие отсутствие и наличие болезни? Предположим, один врач диагностирует, исходя из принципов европейской медицины, а другой является поклонником китайской. Что гарантирует приоритет одной из этих медицин? Однако, если мы будем настаивать на равнозначности диагнозов, все может закончиться смертью диагностируемого.

Таким образом, в определенных сферах мы ощущаем последствия от принятия одной из

альтернатив сразу же и интенсивно. В сфере эстетического это не так. Немедленно ощутимого эффекта от суждений вкуса нет. Но, суждения “Эта книга Л. Толстого хорошая” и “Эта книга Л. Толстого плохая” все же не равнозначны. Если мы согласимся с одним из них, то последствия будут иными, чем в том случае, когда мы согласимся с противоположным. Просто эти последствия проявляются в более отдаленной временной перспективе.

Приведем пример. То, как социум относится к творчеству определенного художника или школы не является делом безразличным и безобидным. Жан-Жак Руссо так же отвечает за французскую революцию, как Лев Толстой – за русскую, писал Николай Бердяев в 1918 году. Позднее Варлам Шаламов скажет, что русские писатели гуманисты 19-го века отвечают за кровь, пролитую в веке 20-том: все “бомбисты-революционеры” были толстовцами-вегетарианцами [13, с. 8–9].

Искусство, естественно, далеко не единственный фактор подобных процессов в обществе. Однако, далеко не последний. Екатерину Великую сложно назвать наивным романтиком. “Бунтовщик – хуже Пугачева”, – сказала она о писателе А. Радищеве, оценивая тем самым потенциал искусства как пружины социальных катаклизмов. Созвучно высказывается А. Пушкин в “Путешествии из Москвы в Петербург”: никакая власть не устоит перед всеразрушающим действием типографского снаряда [13, с. 6–8].

Проведем еще одну историческую аналогию. Релятивные суждения относительно “прекрасного и безобразного” высказывали в “афинскую”, классическую эпоху эллинской культуры. У лакедемонян “считается прекрасным, – говорит неизвестный автор написанного в то время трактата “Двойные речи”, – чтобы девушки упражнялись и приходили с открытыми руками и без хитонов; у ионийцев же это безобразно. У лакедемонян прекрасно детям не учиться музыке и письмена, у ионийцев же не знать всего этого – безобразно” и т.д., и т.п. [8].

Двойные речи безымянного софиста звучат более чем актуально. Софисты тоже были вполне “номадами”, не верящими во всеобщую истину. Какие выводы делались из этого убеждения? Софистический скептицизм вел к тому, что наука постепенно превращалась в “пустую забаву” [4, с. 106]. Софисты учили, как можно “слабейшую речь сделать сильнейшей”, а “белое – черным”. Тотальный релятивизм, отсутствие принципов распространялось на этику и политику. Размышляя над различиями и изменчивостью права и морали, софистика приходит к выводу, что большая часть их условна, конвенциональна. Под конец софисты склоняются к уничтожению всяких нравственных основ и обычаев [4, с. 110–111].

Подобные воззрения и стремления не были достоянием узкой интеллектуальной прослойки. Они были господствующим настроением в обществе. Софисты выражали дух своего времени, говорили то, что хотели слышать их ученики. Интерес к человеку, подъем индивидуализма были тогда всеобщими. Фукидид и Аристофан ясно показали, какое разлагающее влияние имел релятивизм в Афинах.

“Самостоятельность индивидуального мнения... разбила все авторитеты и внесла разложение в народное сознание” [4, с. 111].

Все описанное – симптомы заката Афин как культурного центра и “школы Эллады”, моментом чего было и поражение Афин в Пелопонесской войне. Победители–спартанцы, как известно, были склонны к военной однозначности и афинскую широту воззрений не одобряли. Это хорошо иллюстрирует легенда об изгнании поэта Архилоха из Спарты. В одном из стихотворений он без стеснения рассказывает, что бросил щит, убегая с поля боя. Это было позорным поступком. Отсутствие раскаяния и бравада автора ставили под сомнения традиционные воинские идеалы. Поэтому спартанцы решили, что лучше Архилоху писать стихи где–нибудь за пределами их отечества.

Можно сравнить вышесказанное с наблюдениями В. Розанова из “Апокалипсиса наших дней”. Приказ №1 (1917 г.), – пишет Розанов, – “превративший одиннадцать строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература” [11]. Усилиями последней формировалось отношение к офицеру как к дураку, фанфарону, трусу, ничтожеству и отчасти – вору. “Собственно, никакого сомнения; что Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения. Трудно представить себе... И, однако, – так” [11].

Подведем итоги. Последовательный релятивизм не обоснован достаточным образом и противоречив. Это было хорошо известно в древности, это понятно и сейчас. Как пишет феминистка Нэнси Фрейджер: “нельзя стоять на релятивистских позициях и одновременно утверждать, что сексизм существует и это несправедливо” [7]. Соответственно, нельзя стоять на релятивистских позициях и утверждать, к примеру, что нормативная эстетика чем–то хуже “контемпоральной”.

Номадическое, релятивное мышление возможно только в теории. В реальной жизни никто не будет настаивать на том, что осуждение и прощение, здоровье и болезнь, разум и безумие равнозначны, и что нет критериев для их различения. В реальной жизни никто не осмелится быть “интеллектуальным кочевником” до конца. Увлеченность таким способом мышления и поведения имеет вредные последствия и для отдельного индивида, и для социума.

Объективные и всеобщие критерии в сфере эстетики существуют. Их можно найти эмпирически. На них указывает психофизиология человека. Она имеет свои законы, совершенно не зависящие от нашего произвола. Нельзя, к примеру, отказаться от прямохождения. Может, конечно, попытаться, но очень скоро станет неудобно. Никто добровольно не согласится на подобные эксперименты в долгосрочной перспективе. То же самое с художественным творчеством. Критерии, принципы оценки подсказывает эмпирия.

В этой связи уместно вспомнить восточную притчу о том, как клетку барашка поставили рядом с клеткой тигра. Реально барашку ничего не угрожало. Он все же вскоре умер просто потому, что постоянно имел опасного хищника перед глазами. То же самое с

человеком – одни образы влияют на нас позитивно, а другие могут вызвать болезнь, могут быть буквально убийственными для нас. Одним из объективных критериев оценки является результат воздействия искусства определенного типа.

“Существуют ли индивидуальные вкусы и разногласия в суждениях об эстетическом совершенстве?” – да, конечно. “Содержит ли эстетический опыт нечто универсальное?” – и это тоже присутствует. Наличие индивидуальных вкусов не исключает универсальные моменты. Последние укоренены в психофизиологии человека.

Данная статья не имеет претензии расставить все точки над “i”. Ее целью было усиление аргументации в пользу объективных и общеобязательных критериев в сфере эстетики. В заключении хочется подчеркнуть, что всеобщее и не зависящее от человеческих желаний – это не значит диктаторское и подавляющее все вкусовые предпочтения, кроме одного. Универсальное – это устойчивое, позволяющее ориентацию в “потоке становления”, дающее твердую основу для оценочных суждений.

Список использованных источников

1. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / Эдмунд Берк; [пер. с англ. Е. С. Лагутин]. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.
2. Бычков В. В. Эстетика / Виктор Васильевич Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
3. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве / Генрих Вельфлин; [пер. с нем. А. А. Франковского]. – СПб.: Мифрил, 1994. – 426 с.
4. Виндельбанд В. История древней философии / Вильгельм Виндельбанд; [пер. с нем. под ред. А. И. Введенского]. – К.: Тандем, 1995. – 368 с.
5. Естетика в Україні: сьогодення і майбутнє. Матеріали круглого столу часопису філософська думка (25 вересня 2009 року) // Філософська думка. – 2009. – №6. – С.21–38.
6. Естетика на межі епох. Бесіда головного редактора “Філософської думки” С. Пролєва з професоркою Л. Левчук // Філософська думка. – 2009. – №6. – С.5–20.
7. Казакова Л. Случайно сложившиеся эт(н)ические основания, или почему я не могу и не хочу идти путем номадизма [Электронный ресурс] / Лина Казакова // Такая. – Режим доступа: <http://takaya.eu/texts/essay/nomadizm/>
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. Т.2. [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев – М.: “Искусство”, 1969. – 641 с. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/lose002/txt01.htm#2>
9. Панченко В. І. Естетичний смак // Естетика / [Л. Т. Левчук, В. І. Панченко, О. І. Оніщенко, Д. Ю. Кучерюк] / Валентина Іванівна Панченко. – К.: Вища шк., 2005. – С.52–58.
10. Рид Г. Значение искусства (Фрагмент); [пер. с англ. С. А. Дзиковича] // Современная западно–европейская и американская эстетика: Сборник переводов / Г. Рид. – М.: Книжный дом “Университет”, 2002. – С.43–53.
11. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] / В. В. Розанов // Библиотека “Вехи”. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
12. Сломський В. Філософія в житті / Войцех Сломський; [пер. О. Гірний]. – Варшава–Львів: MIX (Варшава) – Тріада плюс (Львів), 2003. – 214 с.
13. Сухих И. Н. Книги XX века: русский канон: Эссе / И. Н. Сухих. – М.: Независимая Газета, 2001. – 352 с.

References

1. Berk Je. Filosofskoe issledovanie o proishozhdenii nashih idej vozvyshennogo i prekrasnogo / Jedmund Berk; [per. s angl. E. S. Lagutin]. – M.: Iskusstvo, 1979. – 237 s.
2. Bychkov V. V. Jestetika / Viktor Vasil'evich Bychkov. – M.: Gardariki, 2004. – 556 s.
3. Vel'flin G. Osnovnye ponjatija istorii iskusstv: Problema jevoljucii stilja v novom iskusstve / Genrih Vel'flin; [per. s nem. A. A.

Frankovskogo]. – Spb.: Mifril, 1994. – 426 s.

4. Vindel'band V. Istorija drevnej filosofii / Vil'gel'm Vindel'band; [per. s nem. pod red. A. I. Vvedenskogo]. – K.: Tandem, 1995. – 368 s.

5. Estetyka v Ukraїni: s'ogodennja i majbutnje. Materialy kruglogo stolu chasopysu filosofs'ka dumka (25 veresnja 2009 roku) // Filosofs'ka dumka. – 2009. – №6. – S.21–38.

6. Estetyka na mezhi epoh. Besida golovnoho redaktora "Filosofs'koї dumky" S. Prolejeva z profesorkoju L. Levchuk // Filosofs'ka dumka. – 2009. – №6. – S.5–20.

7. Kazakova L. Sluchajno slozhivshiesja jet(n)icheskie osnovanija, ili pochemu ja ne mogu i ne hochu idti putem nomadizma [Jelektronnyj resurs] / Lina Kazakova // Takaja. – Rezhim dostupa: <http://takaya.eu/texts/essay/nomadizm/>

8. Losev A. F. Istorija antichnoj jestetiki: V 8 t. T.2. [Jelektronnyj resurs] / A. F. Losev – M.: "Iskusstvo", 1969. – 641 s. – Rezhim dostupa: <http://psylib.org.ua/books/lose002/txt01.htm#2>

9. Panchenko V. I. Estetychnyj smak // Estetyka / [L. T. Levchuk, V. I. Panchenko, O. I. Onishhenko, D. Ju. Kucherjuk] / Valentyna Ivanivna Panchenko. – K.: Vyshha shk., 2005. – S.52–58.

10. Rid G. Znachenie iskusstva (Fragment); [per. s angl. S. A. Dzikovicha] // Sovremennaja zapadno-evropejskaja i amerikanskaja jestetika: Sbornik perevodov / G. Rid. – M.: Knizhnyj dom "Universitet", 2002. – S.43–53.

11. Rozanov V. V. Apokalipsis nashego vremeni [Jelektronnyj resurs] / V. V. Rozanov // Biblioteka "Vehi". – Rezhim dostupa: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>

12. Sloms'kyj V. Filosofija v zhytti / Vojceh Sloms'kyj; [per. O. Gimyj]. – Varshava–L'viv: MIH (Varshava) – Triada pljus (L'viv), 2003. – 214 s.

13. Suhih I. N. Knigi XX veka: russkij kanon: Jesse / I. N. Suhih. – M.: Nezavisimaja Gazeta, 2001. – 352 s.

Konnov A. F., Candidate of Science in Philosophy (equal to PhD), associate professor of Ethics and Aesthetics Department, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), a.f.konnov@gmail.com

The measure of things in art: about criteria for judgment of taste

The article is devoted to the status of judgments of taste. Are such statements can be qualify as objective and obligatory? Or they are just conventional and relative? And whether there are values that can ground the value judgments? In this paper the relative position is criticized. The purpose of the article is the strengthening the argument for the existence of a solid foundation for objective evaluations. It is rooted in human psychophysiology and can be found empirically. One of these criteria is the impact of art on the person. Influence can be positive or negative. It is noticeable at the individual level as the impact on the psyche of the individual and on a social level as the consequences for society as a whole.

Keywords: taste, judgment of taste, relativism, nomadism, universal values.

Konnov O. Ф., кандидат філософських наук, доцент кафедри етики та естетики, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), a.f.konnov@gmail.com

Міра речей у мистецтві: про критерії судження смаку

Розглядається проблема статусу суджень смаку, які виражають оцінку у таких поняттях та уявленнях як "прекрасне", "потворне", "шедевр", "невдача" тощо. Чи можуть подібні висловлювання претендувати на об'єктивний, загальнообов'язковий статус, або ж вони є тільки конвенційними, релятивними, умовними? І, більш широко, чи існують цінності, на котрі можуть спиратися оцінні судження? У даній роботі критикуються позиції прихильників релятивної концепції. Мета статті – посилення аргументації на користь існування твердої основи для об'єктивних оцінок. Вона вкорінена у людській психофізіології та може бути знайденою емпірично. Одним з таких критеріїв є вплив мистецтва на людину. Він може бути позитивним і негативним. Це відчувається й на індивідуальному рівні як наслідки для психіки окремої людини, і на соціальному рівні як наслідки для суспільства у цілому.

Ключові слова: естетичний смак, судження смаку, релятивізм, номадизм, універсальні цінності.

* * *

УДК 177.4

Сюсель Ю. В.,

викладач кафедри соціології,
Інститут соціології, психології та соціальних комунікацій,
Національний педагогічний університет імені
М. П. Драгоманова (Україна, Київ),
gileya.org.ua@gmail.com

ОДИНИЧНЕ ТА ЗАГАЛЬНЕ У КОНТЕКСТІ ЕТНІЧНОГО СПОЖИВАННЯ (ФІЛОСОФСЬКО-АНТРОПОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ)

У статті здійснюється філософсько-антропологічний аналіз сутності етнічного споживання як маркера приналежності до відповідної етнічної спільноти. Проаналізовано частину сучасних наукових та інформаційних ресурсів у контексті розуміння етнічної культури споживання, що репрезентує систему етнічних символів її носіїв.

Ключові слова: етнос, етнічність, етнічне споживання, етнічна культура споживання, етнічний символ, етнічна кухня тощо.

Для філософії споживання є актуальним дослідження характеристик та якісних відмінностей стилів споживання та стратегій (концепцій) споживання, легітимованих у контексті культури певної етнічної групи. Актуалізація вивчення одиничного та загального у контексті етнічного споживання зумовлена: 1) постійним зростанням ролі етнічних спільнот у соціально-економічній, політичній та культурній сферах життєдіяльності поліетнічних суспільств; 2) розвитком етнічного бізнесу, що культивує у споживачів прагнення споживати символи етнічної приналежності (етнічна кухня, елементи традиційного одягу, предмети повсякденного вжитку, елементи духовної культури тощо). *Наукова проблема* даного дослідження полягає у наявності дефіциту розробок філософських теорій дослідження етнічного споживання у вітчизняному науковому просторі.

Мета статті – виявити діалектику одиничного та загального у сутності етнічного споживання як маркера приналежності до відповідної етнічної спільноти.

Інтенсивність дослідження етнічного споживання пов'язана зі зростанням ролі етнічного фактора у розвитку північноамериканських (Канада, Сполучені Штати Америки) та європейських країн у 1970-1980 рр. Низка досліджень зарубіжних науковців (С. Кім, М. Ларош, Д. Стейман, М. Том'юк, Є. Хіршман тощо [12, р. 102-110; 14, р. 125-151; 15, р. 143-167; 17, р. 361-371]) присвячена вивченню впливу етнічності на прийняття рішення про купівлю нових продуктів, рівня доступності інформації про споживання, ситуативності етнічного споживання, ефективності етнічної реклами, споживання етнічної їжі та етнічної специфіки розваг, а також таких новопонять як етнопозиціонування, етнопросування (етноенрепренерство), етноімідж та етнобрендінг (етнобренди).

Розгляд питання етнічного споживання має міждисциплінарний характер. Розрізняють наступні підходи до дослідження етнічного споживання:

Філософсько-антропологічний підхід: роботи М. Годельє, Гр. Маккракена, К. Рапай, М. Фізерстоуна [2; 7; 11; 16] розкривають наявність культурного контексту у будь-яких споживчих процесах та присутність певного культурного значення у споживчих товарах.

Соціологічний та етносоціологічний підхід: праці з теорії та історії соціології узагальнююче-методологічної спрямованості (П. Бергер, Г. Блумер, Ж.